
DOI: 10.55090/19964552_2022_5_52_63

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ПРОФЕССИЙ И ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Чибухчян-Журавлева Маник Сейрановна,

руководитель по работе с клиентами

«Loft Studio», Москва

 manyka199@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлены основные особенности становления рынка труда в условиях цифровизации и цифровой трансформации. Процесс освоения человеком профессии неразрывно связан с определенными модификациями в структуре его личности, которые могут носить позитивный и негативный характер. Деструктивные изменения, усиливающие ее негативные черты, снижающие адаптивность и устойчивость личности, носят название профессиональных деформаций. Профессиональной деформации подвержены представители практически всех профессий, в том числе тех, которые появились в последние десятилетия благодаря быстрому развитию цифровых технологий. В то же время проблема профилактики профессиональных деформаций представителей цифровых профессий до настоящего времени не изучена, что обуславливает высокую актуальность выбранной тематики исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровизация; цифровая трансформация; цифровая культура; цифровая зрелость; цифровые компетенции; цифровые навыки; цифровые технологии; цифровые профессии; рынок труда; профессиональная деформация.*

THE FORMATION OF MODERN DIGITAL PROFESSIONS AND THE PROBLEM OF PREVENTION OF PROFESSIONAL DEFORMATIONS OF THEIR REPRESENTATIVES

Chibukhchyan-Zhuravleva M. S.,

Head of customer service

"Loft Studio LLC", Moscow

ABSTRACT

The article presents the main features of the formation of the labor market in the conditions of digitalization and digital transformation. The process of mastering a profession by a person is inextricably linked with certain modifications in the structure of his personality, which can be positive and negative. Destructive changes that enhance its negative features, reduce the adaptability and stability of the personality, are called professional deformations. Representatives of almost all professions are subject to professional deformation, including those that have appeared in recent decades due to the rapid development of digital technologies. At the same time, the problem of preventing professional deformations of representatives of digital professions has not been studied to date, which determines the high relevance of the chosen research topic.

KEYWORDS: digitalization; digital transformation; digital culture; digital maturity; digital competencies; digital skills; digital technologies; digital professions; labor market; professional deformation.

Глобализация, выступая определяющим фактором становления новых закономерностей, тенденций и стратегий цивилизационного развития современного общества в первой четверти XXI века, существенно изменяет облик и образ современного мира. На этом фоне происходят глубинные парадигмальные сдвиги, системные изменения и трансформация общественного сознания, социально-экономических отношений, информационно-коммуникационного пространства, технологий, ориентированных на ценности устойчивого развития.

«Глобализация является важнейшей реальной характеристикой современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, которые определяют ход развития нашей планеты. Согласно преобладающей точки зрения на глобализацию, ни одно действие, ни один процесс в обществе (экономический, политический, юридический, социальный и т. п.) нельзя рассматривать ограниченно только как таковой. Глобализация <...> — это усиление взаимозависимости и взаимовлияния разных областей общественной жизни и деятельности <....>. Она охватывает практически все сферы общественной жизни, включая экономику, политику, идеологию, социальную сферу, культуру, экологию, безопасность, образ жизни, а также сами условия существования человечества» [13, 35].

«Сегодня мы уже не в том положении, что находились десятилетие назад, когда у нас кружилась голова от изменений, взаимосвязи которых мы не понимали, — утверждал известный американский футуролог Э. Тоффлер. — Теперь в этих изменениях выявляется закономерность — будущее обретает форму. Потоки изменений сливаются, образуя океан Третьей волны, ширящийся с каждым часом.. Происходит полная трансформация столь же революционного характера, как приход индустриальной цивилизации 300 лет назад. Более того, происходящее сегодня — это не просто технологическая революция, а приближение совершенно новой цивилизации в полном смысле слова. В процессах, происходящих в экономике, технологии, культуре, семье и многих других сферах человеческой деятельности, закладываются основы, которые будут определять основные черты новой цивилизации. Фактически уже сейчас мы можем видеть эти основные черты и в некоторых случаях даже их взаимосвязь» [10, 240]. Тоффлер связывал смену цивилизационных парадигм с процессом соединения достижений и преимуществ технического и технологического развития цивилизации с ценностями гуманизма реального человека, его потенциалом и возможностями в разнообразных социальных практиках.

Несмотря на то, что термин «глобализация» был введен в научный оборот еще в 1983 г. американским ученым Т. Левиттом, и в настоящее время в научной литературе не оформилась однозначная позиция исследователей по поводу трактовки категории «глобализация». Наличие разных подходов к определению сущности глобализации, очевидно, детерминировано, в первую очередь, сферой применения данного понятия.

Для нас наиболее значимыми являются подходы к рассмотрению феномена глобализации в общегуманитарном дискурсе.

Так, например, по мнению Ф. Фукуяма, глобализация как научное понятие, стало однопорядковым с такими общенаучными категориями, как «культура», «цивилизация», «современность», «прогресс» [12].

А. Бетлер рассматривает феномен глобализации, как «объективное явление современного мира, то есть такое, которое не зависит от субъективных желаний, вкусов и антипатий. Глобализация — это движение человечества до формирования целостной глобальной цивилизации» [14, 73-80].

Согласно концепции А.Гидденса, «глобальность, как фактор, являет собой единство мира, в котором отдельные регионы становятся взаимосвязанными и в котором сама региональность уже более не определяется по классическим геополитическим принципам. Такая взаимозависимость может быть определена как «интенсификация мировых социальных отношений, которые связывают отдалённые районы таким образом, что местные события формируются под воздействием событий, которые происходят за многие мили и наоборот» [4].

Г. Макбурни, рассматривая глобализацию в качестве политической парадигмы высшего образования, отмечает, что данный феномен многомерен. По мнению Г. Макбурни, глобализация имеет в своей основе 4 измерения: экономическое, политическое, технологическое и социокультурное [7, 46-53].

К. Мацуура рассматривает глобализацию как культурный процесс, имеющий технологическое измерение [8, 25-32].

Выдающийся отечественный философ В. С. Степин называл XXI век периодом радикальной трансформации типа цивилизационного развития. По его мнению, «сегодня уже становится очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен» [9, 185].

Теоретический анализ фундаментальных научных трудов и специальных исследований показал, что в настоящее время большинство отечественных и зарубежных исследователей и ученых считают знания, информационную революцию, инновационный процесс и цифровизацию главным трендом глобализации. Именно знания, информационная революция, инновации и цифровизация являются драйверами становления единого мира, а доминантой и ключевой производной этого процесса выступает формирование и развитие единого информационного пространства, определяющего направленность и содержание нового вектора цивилизационного развития.

По существу, можно сделать убедительный вывод о том, что в результате глобализации, глобальных сдвигов, трансформации и системных изменений современный мир перешел на новый уровень цивилизационного развития, связанный с разработкой, освоением и реализацией новых технологий, основанных на знаниях, информации и инновациях. Как отмечают исследователи, «если три предыдущих этапа цивилизационного развития были связаны с созданием паровой

- машины, электрификацией, а в конце XX — начале XXI столетий — с информатизацией,
- компьютеризацией и интернетом, то четвертая революция — это эра искусственного
- интеллекта, роботизации, больших данных и основанных на них технологий» [11, 178].

Основными социально-экономическими эффектами этих процессов должны, по мнению А. М. Федорова, выступить «активизация социальной и деловой активности и мобильности основных акторов цифровой экономики; усиление «умной специализации» на базе разработки и внедрения новых, перспективных моделей инновационного развития (в том числе, с использованием искусственного интеллекта (AI), робототехники, Интернета вещей (IoT), технологий беспроводной связи, Big Data, использования виртуальных и дополненных реальностей, цифровых технологий непосредственно на производстве, облачных сервисов, RFID-технологий, ERP-систем и др.); формирование новых моделей открытых инноваций и сетевого взаимодействия» [11, 178].

Таким образом, можно констатировать, что цифровизация, ориентированная на становление новой цифровой реальности, достижение нового уровня цифровой зрелости и цифровой культуры общества и человека, как ключевых показателей цифровой трансформации, существенная активизация процессов мультимодального внедрения цифровых технологий — ключевые тренды практически для всех ведущих стран мира. Не случайно цифровую экономику в Российской Федерации связывают с перспективами развития экономики нового технологического поколения (В. В. Путин).

На решение задач цифровой трансформации в контексте ценностей и стратегий нового этапа цивилизационного развития нацелены и специальные программы (Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», включающая 9 основных направлений: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики»,

«Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Искусственный интеллект», «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи», «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» (Российская Федерация); Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы (Республика Беларусь); «Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года» (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация); Инициатива по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики G20 (G20); «Цифровая Европа» (2021-2027), Европейский «Цифровой компас — 2030», Инициатива ЕС «EU4Digital», «Индустрия 4.0», «Фабрики будущего» (Европейский Союз); «Стратегия цифровизации», «Стратегия цифрового роста» (Дания); «Цифровая стратегия» (Швеция); «Цифровая Бельгия: цифровая повестка дня для Бельгии» (Бельгия); Стратегия «Цифровая Швейцария» (Швейцария); «Стратегия цифровизации Нидерландов 2.0» (Нидерланды) и др.).

По данным международных рейтинговых агентств, в последние годы Российская Федерация стабильно входит в Топ-50 всех основных международных рейтингов цифрового развития.

Сегодня уже нет никакого сомнения в том, что фундаментальные преобразования и трансформации во всех сферах жизнедеятельности человека и общества на современном этапе его цивилизационного развития определяются, в первую очередь, динамикой цифровизации и цифровой трансформации, одним из важнейших результатов которых должно стать формирование «умного» общества, основанного на новых ценностях ориентации на потребности человека, гибкости, социальной и профессиональной мобильности, креативности, лидерства. Радикально трансформируются модели профессиональной деятельности в сфере бизнеса и социальной сфере, обусловленная стремительным ростом числа инновационных цифровых технологий нового поколения, преимущественно так называемых «сквозных» цифровых технологий (СЦТ) (большие данные, квантовые технологии, компоненты робототехники и сенсорики, нейротехнологии и искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности и др.).

В исследованиях, посвященных проблемам цифровизации и цифровой трансформации, отмечается, что их эффективность во многом определяется наличием высококвалифицированных кадров, обладающих цифровой культурой, цифровой зрелостью и совокупностью цифровых компетенций, по-

звolyающих работнику успешно решать разнообразные профессиональные задачи в условиях постоянных системных изменений цифрового и виртуального пространств и инновационных цифровых технологий. Существенно изменяются и требования работодателей, рассматривающих цифровые навыки и компетенции работника критически важными.

В результате уже в самое ближайшее время радикально изменится облик рынка труда, здравоохранения, образования, пространственного развития. Трудно не согласиться с выводами экспертов Национального исследовательского университета «Высшая школы экономики» в том, что «цифровизация становится причиной технологического усложнения и исчезновения ряда традиционных профессий вследствие автоматизации соответствующих трудовых операций и одновременно появления новых профессий и роста спроса на неалгоритмизируемый труд и творчество, так называемое «человеческое в человеке». В виртуальную среду переходит значительная часть трудовых отношений и целых сегментов занятости, гибкость форм которой значительно повышается (увеличивается доля нестандартной, частичной и неустойчивой, разовой занятости и др.). Цифровизация требует формирования новых компетенций на рынке труда, что влечет за собой перестройку всей системы образования» [5, 18].

Аналогичная позиция относительно устаревания профессий и возникновения новых в ближайшее десятилетие изложена участниками форсайта в «Атласе новых профессии Сколково» [1], а также в Атласе новых профессий 3.0, подготовленном при поддержке Агентства стратегических инициатив [2].

По данным Бостонской консалтинговой группы (BCG), уже в самое ближайшее время рынок труда пополнится работниками — представителями цифрового поколения Z, которые используют цифровые технологии практически с самого рождения и обладающими развитыми цифровыми компетенциями и высоким уровнем цифровой зрелости (digital natives), мотивированными на личностный рост. Прогнозируется, что доля представителей в 2025 г. составит четверть общей численности занятых в мире. [15].

Важнейшими факторами радикального изменения потребностей в цифровых профессиях обусловлены следующими обстоятельствами. *Во-первых*, в настоящее время наблюдается объективная тенденция резкого снижения спроса на рынке труда на профессии, связанными с выполнением формализованных, повторяющихся трудовых операций. *Во-вторых*, вследствие быстрой смены технологий жизненный цикл профессий сокращается.

В-третьих, возникают новые профессии и профессиональные роли, новый инструментарий профессиональной деятельности, в результате чего компетентностные модели (профили) работников радикально изменяются, возрастает роль *soft skills* (социальный и эмоциональный интеллект). *В-четвертых*, существенно повышаются требования к гибкости, социальной и профессиональной мобильности специалиста. Уже сейчас на рынке труда востребованными являются специалисты, обладающие цифровой культурой, цифровой зрелостью и «цифровой ловкостью» (*digital dexterity*) [16].

Процесс освоения человеком профессии неразрывно связан с определенными модификациями в структуре его личности. С одной стороны, происходит активизация, интенсификация качеств, способствующих успешному осуществлению профессиональной деятельности, а с другой — изменение, подавление и даже нарушение личностных структур, не принимающих участие в данном процессе. Такие изменения могут носить позитивный характер: так, педагогическая деятельность способствует повышению моральных качеств личности, служб в правоохранительных органах укрепляет наблюдательность и логическое мышление.

В то же время профессиональные модификации могут носить отрицательный, деструктивный характер, усиливать негативные черты характера, снижать адаптивность и устойчивость личности — такие изменения рассматриваются как профессиональные деформации. Термин «профессиональная деформация» впервые ввел социолог Питирим Сорокин для характеристики негативного влияния профессиональной деятельности на человека.

Исследователи связывают состояние психической и эмоциональной напряженности, а также профессиональной деформации характером деятельности сотрудника, особенностями общения и личностными особенностями, при этом угроза профессионального выгорания возрастает в условиях стереотипности, рутинности и технологичности профессиональной деятельности, перегрузками из-за массива информационных потоков, нестабильностью и неопределенностью ситуации принятия решения, а также слабой корпоративной культурой, неблагоприятными условиями труда.

В современной научной литературе отсутствует единый подход к раскрытию сущности термина «профессиональная деформация». Проблема дефиниции данного понятия обусловлена, в первую очередь, многообразием и сложностью взаимосвязей между характеристиками личности и формами профессиональной деятельности. По нашему мнению, профессиональная

деформация может характеризоваться как когнитивное искажение, психологическая дезориентация личности, которая обуславливается непрерывным воздействием внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности и приводит к формированию специфически-профессионального типа личности.

Специфика профессиональной деформации заключается в том, что воздействие профессиональных установок не ограничивается исключительно профессиональной сферой и переносится на всю жизнь субъекта. Как отмечает исследователь С. П. Безносов, «феномен профессиональной деформации можно определить как проникновение Я-профессионального в Я-человеческое: после выхода человека из профессиональной ситуации не происходит его естественного “выправления”, поэтому даже в личной жизни человек продолжает нести на себе деформирующий отпечаток своей профессии» [3, 13]. Частными случаями профессиональной деформации являются профессиональное выгорание, управленческая эрозия, административный восторг и другие.

Люди, выбравшие цифровую профессию, подвержены целому комплексу необычных паттернов поведения, складывающихся по мере освоения профессии и её влияния на повседневную жизнь. Рассмотрим основные проявления психологической деформации, присущие специалистам в IT-сфере [6, 115-118].

Одним из проявлений профессиональной деформации в цифровой сфере является гиперконцентрация: при работе над программным кодом необходимо войти в состояние полной сосредоточенности, при этом человека будут раздражать любые отвлекающие факторы. Это умение концентрироваться на рабочем процессе представители цифровых профессий часто переносят в повседневную жизнь: они могут с предельным вниманием мыть посуду или гладить одежду, что у посторонних людей будет вызывать недоумение. Программисты и другие IT-специалисты часто бывают неразговорчивы и сосредоточены на себе — это также последствия их работы, а вовсе не мрачное настроение, как кому-то может показаться.

Еще одно распространенное проявление профессиональной деформации — погружение в образы и конструкции. Так, работу программиста можно сравнить с деятельностью инженера, изобретающего новую технологию. Такому специалисту присуще образно-чувственное конструирование, т. е. состояние, при котором в строчках программного кода он мысленно представляет работу будущего механизма и составляет представление

о его достоинствах и недостатках. Именно поэтому можно часто услышать от программиста такие определения, как «красивый код», «интересный код», «грязный код» (неудачный, сделанный неумело). Это мышление IT-специалист переносит в свою жизнь и начинает выстраивать сложные схемы, касающиеся различных внешних событий или поведения других людей.

Для специалистов цифровых профессий особенно важно уметь строить логические цепочки и устанавливать причинно-следственные связи. Так, если код не работает, необходимо установить конкретную причину и устранить проблему, при этом программист должен представлять, какие последствия будет иметь каждое его действие. В реальной жизни такой образ мышления приводит к повышенному интересу к устройству и работе различных агрегатов и к выявлению их неэффективности, что для обычного человека совершенно неактуально. Эту особенность лучше всего передаёт анекдот, в котором дочь программиста спрашивает, почему солнце всходит на востоке, а заходит на западе. Отец уточняет, происходит ли так каждый день, и получив утвердительный ответ, уверенно заявляет: «Отлично, ничего не трогай!».

Перечисленные деформации не оказывают явно негативного влияния на жизнь и коммуникацию представителей цифровой профессии и не нуждаются в серьезной коррекции. В то же время для представителей IT-профессий, как и для других специалистов, может быть характерно профессиональное выгорание, проявляющееся в форме синдрома хронической усталости, чувстве отстраненности, утрате мотивации, цинизме в отношении работы и снижении продуктивности в профессиональной сфере. Наиболее распространенными внешними причинами выгорания могут являться:

- чрезмерно большая нагрузка, несопоставимая с имеющимся временем и ресурсами;
- низкая эффективность руководства, плохая коммуникация, отсутствие положительной обратной связи;
- нездоровая атмосфера в коллективе (например, травля)
- недостаток свободы, невозможность участвовать в принятии решений в работе;
- недостаток возможностей для личного и профессионального развития.

Признаками выгорания в команде IT-специалистов являются снижение количества и функциональности выпускаемых продуктов, увеличение коли-

чества багов в продакшне, снижение вовлеченности специалистов, неконструктивная критика проектов, ухудшение атмосферы в команде.

Профилактика профессиональной деформации цифровых специалистов в целом находится на высоком уровне как в зарубежных, так и в российских корпорациях. Основными инструментами нематериального стимулирования ИТ-специалистов и профилактики их профессиональной деформации являются:

- 1) Гибкий рабочий график — цифровые профессии носят интеллектуальный и творческий характер, поэтому большое значение имеет оптимизация рабочего режима под каждого конкретного специалиста;
- 2) Равномерное распределение творческих и рутинных задач — деятельность в цифровой сфере включает в себя как разработку новых проектов, так и проверку ошибок, допущенных другими сотрудниками, при этом концентрация только на одной из этих сфер приведет к выгоранию специалиста;
- 3) Комфортный офис и высокотехнологичный инструментарий — представители цифровых профессий нуждаются в максимально комфортных условиях для решения сложных творческих задач, поэтому современные ИТ-компании предлагают своим сотрудникам прекрасно оснащенные офисные помещения с бесплатной едой и напитками, а также возможностями для отдыха и физической активности;
- 4) Карьерный рост и развитие — специалисты цифровых профессий нуждаются в непрерывном повышении квалификации для решения усложняющихся задач, поэтому оплата дополнительного обучения сотрудников является одновременно способом профилактики деформаций, методом нематериального стимулирования и инструментом для повышения эффективности ИТ-компании.

Перечисленные организационные методы должны реализовываться в комплексе с целью эффективной профилактики профессиональной деформации представителей современных цифровых профессий. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Атлас новых профессий 2.0 / П. Лукша, К. Лукша, Д. Варламова и др.; ред. Д. Варламова. 2-е изд. М.: Изд-во «Издательские решения», 2022. 290 с.
2. Атлас новых профессий 3.0 / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. — М.: Изд-во Альпина ПРО, 2021. 472 с.

3. *Безносос С. П.* Профессиональная деформация личности / С. П. Безносос. СПб.: Изд-во «Речь», 2022. — С.13.
4. *Гидденс А.* Глобализация мира / А. Гидденс. — М.: Изд-во «АСТ», 2003. -318 с.
5. *Гохберг Л. М.* Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апреля 2019 г. / Л. М. Гохберг, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий и др.; науч. рук. Л. М. Гохберг. М.: Изд-во: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 18.
6. *Клыков Д. В.* Психологическая деформация разработчика программного обеспечения / Д. В. Клыков, В. А. Лысыков, Д. Р. Савенков и др. // Гуманитарно-социальные науки и право. Тенденции развития современной науки. Материалы научной конференции студентов и аспирантов Липецкого государственного технического университета. 2018. С. 115-118.
7. *Макбурни Г.* Глобализация как политическая парадигма высшего образования // Высшее образование сегодня. 2001. № 1. С. 46-53.
8. *Мацуура К.* Глобализация — это также культурный процесс // Международная жизнь. 2000. № 8-9. С. 25-32.
9. *Степин В. С.* XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития / В. С. Степин // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2017. С. 185.
10. *Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. Пер. с англ. М.: Изд-во «АСТ», 2010. С. 240
11. *Федоров А. М.* Цифровизация образования в странах ЕС и России в контексте проблем и вызовов цифровой экономики для XXI века / А. М. Федоров // Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений. Материалы XVII Международной научной конференции. Москва, 29 ноября 2019 г. М.: Изд-во «Перо», 2019. С. 178.
12. *Фукуяма Ф.* Великий распад. [Пер.]. — М.: Изд-во «АСТ», 2004. С. 266 -290.
13. *Хамидов О. Х.* Концепции и теории глобальной экономики и международных отношений: образовательный дискурс / О. Х. Хамидов, И. Миетуле, Ж. Ботелью и др. // Экономика и финансы. 2020. № 3 (135). С. 35.
14. *Bettler A.* (2022). The contours of the world in the first half of the 21st century and a little further // The world economy and international relations. 2002. No. 1. pp. 73-80.
15. *BCG* (2017). Россия 2025: от кадров к талантам. Режим доступа: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 10.11.2022).
16. *Gartner* (2018). 4 Steps to Develop Digital Dexterity in Your Workplace. Режим доступа: https://www.gartner.com/binaries/content/assets/events/keywords/digital-workplace/pccs13/4_steps-infographics-3.pdf (дата обращения: 10.11.2022).